

ориентация на «большие» литературы нередко заслоняет чешской литературе взгляд на «малые» литературы, даже такую близкую, как словацкая.

В русской советской литературе традиции классической литературы пользуются необыкновенным уважением. Аналогично дело обстоит с личностными традициями, которые нередко перерастают в культ. Это повлияло и на позиции авангарда в русском литературном процессе. Сегодня мы являемся свидетелями быстрого наверстывания упущенного во время одностороннего догматического толкования метода социалистического реализма. Происходит некая переоценка авангарда, но это скорее литературоведческий процесс. В русской советской литературе и сознании читателей по-прежнему господствует реалистическая тенденция, нередко трактуемая как антагонистическая по отношению к авангарду. Внимание акцентируется прежде всего на идее произведения, его общественной значимости, гуманистических ценностях.

Чешская и русская литературы развиваются параллельно, во многом они близки, но одновременно сохраняют и развивают свою национальную специфику. Продолжается процесс взаимного познания, идейного и формального взаимообогащения, что, конечно, ведет не к интеграции, а к укреплению связей между двумя оригинальными литературами.

Статья поступила в редколлегию 20.09.88

М. Гургулова, проф.,
Институт литературы Болгарской Академии наук

О творческом контакте П. Р. Славейкова с поэзией М. Ю. Лермонтова

В течение многих веков дружеские отношения между болгарским и русским народами непрерывно углублялись и крепились, усиливался интерес болгар к русской литературе. Этому способствовала близость национальных языков, болгарская общественность, как правило, знакомилась с произведениями русских классиков в подлиннике.

Учитывая решающую роль национальных общественно-исторических факторов развития болгарской литературы XIX в., можно с уверенностью утверждать, что так называемое русское влияние является существенной особенностью литературного движения в Болгарии в условиях тяжелого османского ига и после Освобождения в 1878 г. Русская литература открывала перед болгарскими писателями новые горизонты и в то же время содействовала более полному проявлению их самобытного таланта, правдивому отражению национальной действительности. В частности, почти нет болгарского поэта, который не учился

бы на лермонтовской поэзии, не увлекался бы ее чарующей романтикой, глубоким трагизмом и общественной остротой [3, с. 7].

Из всех болгарских писателей до Освобождения самый активный и прочный интерес к творчеству М. Ю. Лермонтова проявлял Петко Рачов Славейков. Этому мастеру художественного слова выпала на долю великая миссия заложить основы болгарской литературы эпохи национального возрождения и болгарского литературного языка, превратить родную литературу в действенный фактор идейного и нравственно-эстетического воспитания людей. Славейков переводил на болгарский язык произведения зарубежных литератур. Он впервые познакомил культурную общественность Болгарии с творчеством ряда выдающихся русских писателей, целиком или в отрывках перевел произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова и др. [2]. Это лишь небольшая часть многосторонней литературной деятельности поэта-самоучки, поднявшегося до такого идейно-политического, нравственного и культурного уровня, который позволил ему стать одним из выдающихся представителей национального возрождения Болгарии.

Жизненный и творческий путь Славейкова был исключительно трудным. Несмотря на огромное желание, ему не посчастливилось учиться в России и даже побывать в ней. Но его интерес к России, ее языку и литературе не ослабевал никогда. Еще в годы османского ига он постоянно искал любые источники информации о России, развитии ее культуры и всевозможными путями приобретал книги передовых русских писателей. Их идейно-художественное совершенство, гражданский пафос и подлинный гуманизм соответствовали исканиям болгарской демократической интеллигенции того времени. Выдающийся болгарский поэт выразил свою любовь к России и ее народу во многих произведениях и письмах, о ней свидетельствует также бескорыстная деятельность Славейкова в пользу русского военного командования во время русско-турецкой войны [1, с. 267—280].

В стихотворениях (1850—1853 гг.) Славейков воплотил свое глубокое убеждение и дорогую каждому болгарскому патриоту идею, что родина может освободиться от пятивекового османского рабства только с помощью России. Поэт вдохновенно призывал родной народ подняться на решительную борьбу против угнетателей:

Ето ви готови
с пушки и топове,
с саби и ножове
скъсвайте окови!
Руски глас ви вика,
ей Русия иде
роби да избави,
български аслани
иска да прослави.
Час и време доде...

В знаменитом стихотворении «Вярата и надеждата на българина в Русия» (1875) с посвящением русскому народу Славейков проникновенно и прозорливо выразил сокровенные чувства болгарского народа:

Русите са наши братя,
Наша плът и наша кръв.
Қат Русия няма втора
Тъй могъща на света;
Тя е нашата опора,
Тя е нашта висота.

В январе 1878 г. в выходившем в Бухаресте литературно-политическом журнале «Славянско братство» было опубликовано стихотворение Славейкова, в котором он воспел великое самопожертвование русского народа и высокогуманный характер освободительной русско-турецкой войны:

За нас да откъсвят
те идат тук да мрат
и нас да възкресят —
вървят на смърт!

Для Славейкова, как и для всей болгарской демократической интеллигенции, Россия и после Освобождения оставалась самой прочной морально-политической опорой болгарского народа, верным защитником его свободы и независимости, могучим фактором его развития по пути прогресса. С чувством глубокой признательности к братской стране П. Р. Славейков в 1881 г. написал стихотворение «Русия ни свободата с кръв извоюва...»

В общественно-литературной деятельности болгарский поэт до конца жизни остался верным могучему «русскому голосу» — голосу справедливости и прогресса. М. Ю. Лермонтов стал одним из любимых авторов Славейкова. Первое лермонтовское произведение — стихотворение «Пророк» — Славейков перевел и опубликовал в 1859 г. в журнале «Български книжици» [2, с. 134]. Выбор Славейкова не случаен: своим идейно-эмоциональным содержанием лермонтовский «Пророк» соответствовал типичным для того времени настроениям передовой болгарской общественности. Кроме главного, национального конфликта между угнетенными и угнетателями, в Болгарии существовал также глубокий конфликт между народом и прогрессивной интеллигенцией, с одной стороны, и теми общественными кругами, которые, стремясь к личному благополучию, мирились с рабством и социальным неравенством — с другой.

Сохранив основное содержание подлинника, Славейков в переводе углубил конфликт центрального героя с обществом, осовременил его образ. Более того, Славейков вошел в роль лермонтовского лирического героя, центральный субъект стихотворения говорил голосом Славейкова [2, с. 136]. Поэт отказался от лермонтовского заглавия (при наличии в болгарском языке слова «пророк» с тем же значением, что и в русском), заменив его названием «Проповедник». Выбранное Славейковым назва-

ние соответствует некоторым оттенкам перевода, придающим лирическому герою более действенный характер и большее общественное звучание.

О том, насколько глубоко и продолжительно одна из вечных литературных проблем — отношения между поэтом и обществом — занимала Славейкова, свидетельствует тот факт, что в разные периоды своей литературной деятельности он создавал проникновенные произведения на эту тему. В 1857 г. стихотворением «Момче, ума си събери» Славейков ввел в новую болгарскую литературу тему нравственного облика и общественного долга творца, отвечая, таким образом, духовным интересам и требованиям возрождавшейся болгарской нации:

Момче, ума си събери!
Млъкни или се смири!

.....
Ще каже някой зарад теб: «Той няма ума,
тоз присмехулник ли злочест —
на обществото той е чума...»

В раннем, остро сатирическом стихотворении Славейков показал непримиримую враждебность между подлинным творцом и деспотической действительностью, что типологически сближает «Момче, ума си събери» с лермонтовским «Пророком» и подобными произведениями. В 1866 г. Славейков перевел стихотворение «Поэт» Н. И. Языкова, а в 1873 г. — «Поэт и толпа» А. С. Пушкина.

Несмотря на интерес Славейкова к другим русским писателям, Лермонтов постоянно оставался в центре его творческого внимания. Так, почти через два десятилетия после опубликования «Проповедника» Славейков перевел часть стихотворения Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» («В душата ми вътре...», впоследствии — «Разбити надежди») и «Узник» («Я ми отворете...»), он поместил их в календаре на 1877 г. («Кратък месецослов»). Посредством этих переводов Славейкова передал личные чувства и настроения (одиночество, разочарование, стремление к национальной самобытности и жажда свободы), присущие также большей части передовой болгарской интеллигенции 70-х годов XIX в. Журнал «Български книжици» в те годы был самым авторитетным изданием на болгарском языке, а «Кратък месецослов» — самым популярным и доступным каждому просвещенному болгарину календарем. Поэтому общественный резонанс переводов Славейкова из Лермонтова был значительным.

В разные годы Славейков перевел (целиком или частично, придерживаясь подлинника, подражая ему или перерабатывая его) или, по свидетельству ряда архивных документов, собирався переводить и другие произведения Лермонтова: «Казачья колыбельная песня», «На севере диком стоит одиноко...», «Три пальмы», «Выхожу один я на дорогу...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Спор», «Памяти А. И. Одоевского», «Ангел»,

«Пленный рыцарь», «Когда волнуется желтеющая нива», «Из Гете» («Горные вершины»), «Сосед» и др.

Названные стихотворения свидетельствуют о тех темах и нравственно-этических проблемах, которыми Лермонтов вызвал у Славейкова такой большой интерес. Это важный фактор творческого сближения Славейкова с художественным наследием Лермонтова, в котором тесно переплелись причина и следствие, элементы типологического сходства и прямого контакта. Переводы некоторых лермонтовских стихотворений обнаружены С. Русакиевым в архивах Славейкова и впервые опубликованы с комментариями в 1956 г. [2]. С. Русакиев — первый исследователь проблемы «П. Р. Славейков и М. Ю. Лермонтов». Однако его научный интерес направлен на сферу контактологического характера, что соответствовало степени развития литературной компаративистики в 50-е годы.

Современное сравнительное литературоведение, в котором наряду с контактологическими связями важное место занимают историко-типологические соотношения, предъявляет к ученым новые требования, расширяет аспекты литературоведческих изысканий. Так обстоит дело и с изучением проблемы творческих контактов Славейкова с поэзией Лермонтова.

Следовательно, проблема соотношения поэзии Славейкова и Лермонтова не исчерпана. Дальнейшие поиски в этом направлении приводят к открытию новых произведений, тем, образов и мотивов, свидетельствующих об идейно-художественной близости контактного или контактно-типологического характера, а также об определенном историко-типологическом сходстве и различиях между творчеством обоих поэтов.

Следы творческого воздействия лермонтовской «Казачьей колыбельной песни» (кроме указанных С. Русакиевым «Колибелна песенка» и «На детето» [2, с. 136—139, 149—150]) видны еще в двух стихотворениях Славейкова — «Спомняне» (написано в 1854 г., опубликовано в 1879 г.) и «С богом; прощай, невесто мила» (1881). Обращает на себя внимание значительная дистанция между годами, в которых болгарский поэт создал упомянутые стихотворения. Правомерно ли искать объединяющие их элементы и тем более сходство между ними, с одной стороны, и произведениями русского поэта — с другой? Интересно отметить, что «Казачья колыбельная песня» известна Славейкову с 1849 г. — из двухтомной «Полной русской хрестоматии» (1849) А. Галахова, долго привлекала творческое внимание поэта и только в 1883 г. была переведена им под заглавием «Приспивална песен». Славейков создал перевод-подражание лермонтовского стихотворения, придерживаясь подлинника, но внося в него болгарские бытовые элементы и расставив идейно-эмоциональные акценты, связанные с борьбой народа против османского ига [2, с. 163—164]. Учитывая все это, нетрудно объяснить тематическое сходство стихотворений «Спомняне» и «Сбогом, прощай, невесто мила», их связь как с лермонтовской «Казачьей колыбельной песней», так и с ее славейковским вариантом.

Фактически стихотворения «Спомняне» и «Сбогом, прощай, невесто мила» не являются типичными колыбельными песнями с традиционными ласковыми словами матери и неизменными «баюшки-баю» (на болгарском языке — «нани, нани, на»), которыми она убаюкивает ребенка. Образ матери в них даже не является центральным и не самораскрывается, как у Лермонтова, а пересоздается косвенно, посредством мыслей и переживаний отца и сына — основных героев.

Однако указанные произведения содержат определенные образы, мотивы и настроения, приближающие их к лермонтовской колыбельной песне. Они обладают и некоторыми особенностями гражданско-патриотической лирики. Такой момент присутствует еще в лермонтовской колыбельной песне: отец — старый воин, закаленный в боях с врагами родины, а сын, надеется мать, тоже будущий смельчак, «казак душой».

Оба стихотворения Славейкова напоминают лермонтовскую «Казачью колыбельную песню» и в другом отношении — подобно ей они построены по образной схеме мать—отец—сын. У Славейкова, однако, эта схема приобрела специфический вид и наполнена иным содержанием.

Лирический герой стихотворения «Спомняне» — уже взрослый сын, прошедший тяжелую жизнь. Он ретроспективно видит себя на заре юности, в условиях, не обещавших ничего хорошего:

Жалост ме е залюляла
на живот от първий час;
над люлка ми майка пяла
тъжна песен с жален глас...

В песне матери отсутствуют интимно-нежные интонации. Так, лермонтовское «Спи, младенец мой прекрасный» (в переводе подражании — «Спи ми, дете, рожбо мила») заменено обращением «клето чедо», выражающее, как в «Сикстинской мадонне» Рафаэля, и любовь, и глубокую грусть, и боязнь за будущее малыша. Отсутствует и ночная картина («Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою»), в переводе — «В люлчицата ти очи впила златната луна»), подобная той, которая нарисована в лермонтовской колыбельной песне, потому что она не соответствовала бы грустному тону стихотворения Славейкова. Трагизм усиливается: отец погиб, пронзенный «вражьим ножом», а сын — «раб еще с пеленок». Последний куплет, однако, звучит оптимистично. В нем Славейков воплотил идею осознанной, решительной борьбы против рабства. Жалостный тон исчезает, и песня матери приобретает призывный характер:

Но пораствай и препасвай
остра сабя на бедра,
и войвода за свобода
да те видя и умра!

Славейков, таким образом, создал новый, героический образ матери, исполненной чувства ненависти к поработителям и стра-

стно мечтающей о том, чтобы ее сын пошел по славному пути борьбы за свободу.

Стихотворение «Спомняне» является ярким примером подлинного творческого воздействия. Это один из случаев использования идейно-художественных элементов лермонтовского произведения для создания оригинального стихотворения с сильно выраженными национальными, самобытными особенностями. В нем четко проявился индивидуальный стиль автора, близкий к стилю болгарской народной песни. Написанное под влиянием Лермонтова, «Спомняне» содержит в себе все признаки оригинального произведения, вполне выдержанного в духе идеалов болгарского возрождения, певцом которого был Славейков.

Своеобразным переходом от «Казачьей колыбельной песни» и ее славейковского перевода «Приспивална песен» к «Спомняне» стало стихотворение «Майка и дете». Мать, вдова погибшего борца, горько плачет и мечтает о том времени, когда ее сын вырастет и она передаст ему наказы отца перед уходом в бой. Мотив ребенка как будущего борца за свободу еще не получил полной художественной реализации, поэт не достиг того, к чему стремился. Только в «Спомняне» Славейкову удалось подняться до желаемого. Здесь все просто и естественно, как в народной песне. Именно простота и естественность излучают поэзию. Стихотворение Славейкова «Сбогом, прощай, невесто мила», давшее основание для сопоставления с лермонтовской «Казачьей колыбельной песней», имеет интересную историю. Оно связано с печальным фактором жизни поэта, свидетельствующим о негативном отношении новой государственной власти в Болгарии после Освобождения к деятелям эпохи национального возрождения. В сентябре 1881 г. Славейков прибыл в г. Тырново для участия в качестве делегата в работе Великого народного собрания Болгарии. Однако его арестовали и отправили в г. Трявна, откуда он выехал в Пловдив — столицу Восточной Румелии (части Болгарии, оставшейся фактически под турецким владычеством). Перед отъездом в Пловдив Славейков написал прощальное стихотворение, в котором поэтически выразил охватившие его чувства грусти и разочарования, ненависти и жажды справедливой мести. «Сбогом, прощай, невесто мила» является одним из лучших стихотворений поэта.

«Роли» основных героев (матери, отца и ребенка) здесь распределены по-новому. Идеино-эмоциональным центром является образ отца, от имени которого написано стихотворение. Это образ, естественно, несет главную эстетическую нагрузку — идею борьбы против несправедливости и возмездия за деспотическое отношение к людям и унижению их личного достоинства. Нравственная возможность лирического героя проявляется в его горячей любви к ребенку, в нежных чувствах к жене. Вместе с тем он советует ей быть мужественной и твердой в борьбе с врагами:

...Но недей тъжи, недей ти плака
и пред душмани държи кураж.

Лирический герой — критически настроенная личность, он видит пороки общества, но лишен возможности бороться с ними. Единственная его надежда — это ребенок, которого вырастит мать, воспитав его смелым борцом, способным отомстить за родителей. Образ сына воссоздан не словами матери, как обычно бывает в колыбельных песнях, а посредством мечтаний и представлений отца.

Оригинально передан также образ матери — не через ее колыбельную песню, а через мысли и чувства ее мужа. Обращение лирического героя — «Сбогом, прощай, невесто мила» — выражает и его острую боль насильственной разлуки с любимой, и безнадежность ситуации, и тревожную любовь к женщине. В стихотворении раскрывается ее безрадостное будущее — бесконечные тяжелые дни, когда некому будет ей выплакать свое горе. Она даже не будет знать, где похоронен ее муж и защитник:

Няма да идваш сутрина рано
тамян да пушиш, да палиш свещ,
ни да нареждаш жално, пространно
как сме живели ний изнапреж.

Следующие штрихи в образе матери показывают ее внутреннюю силу. Это, в сущности, проекция, основанная на сокровенном желании лирического героя:

Люби, прегръщай мъжко си чедо,
сама надежда, син пеленак,
теши се с него, горди се с него,
че той ще бъде добър юнак.
Къпи, кърми го, над люлка пей му:
«Расти, мил сине, ти порасти!»
Чувство на мщенье вдъхни ти нему,
той заради нази да отмъсти.

Таким образом, контакт Славейкова с лермонтовской поэзией благотворно отразился на формировании его таланта и послужил импульсом к созданию оригинальных произведений с новыми идейно-эстетическими акцентами. К сожалению, размеры статьи не позволяют показать типологический аспект исследуемой проблемы, поэтому ограничимся лишь самыми общими замечаниями. Важнейшее значение имеет глубокий конфликт Лермонтова и Славейкова с социальной действительностью, нашедший яркое отражение в их творчестве. Жизнь обоих поэтов была наполнена непрерывной борьбой и горькими разочарованиями. Однако они сумели сохранить творческую независимость и защищали передовые общественные тенденции своего времени. Этим объясняется наличие трагических интонаций в поэзии Лермонтова и Славейкова — своеобразного протеста против буржуазного общества, деформировавшего личность. Лермонтов и Славейков до конца жизни оставались непримиримыми врагами всякого рабства, мужественными обличителями социального неравенства. Творческое восприятие художественного

наследия Лермонтова сыграло большую роль в идейно-художественном формировании Славейкова.

1. Константинов Г. Петро Р. Славейков. София, 1967. 2. Русакиев С. П. Р. Славейков и руската литература. София, 1956. 3. Стоянов Л. Предисловие // Лермонтов М. Ю. Пълно събрание съчинения: В 5 т. София, 1942. Т. 1.

Статья поступила в редколлегию 10.10.88

А. Г. Чернова, преп.,
Черновицкий университет

Сравнение, метафора, метонимия в переводах Иона Друцэ

В современной теории перевода исследование соотношения двух языков в процессе перевода рассматривается как сопоставительное описание двух систем и исследование закономерностей и специфики их функционирования в каждом отдельном языке. При этом основной задачей сопоставления художественных текстов оригинала и перевода является не оценка перевода, а анализ и классификация возможных и наиболее адекватных по функции и экспрессивности переводческих вариантов. Французский ученый А. Мешони (*Pour la poétique*) обосновал необходимость создания поэтики перевода как составной части сопоставительной поэтики лишь на эмпирическом уровне, считая ее экспериментальной. По его мнению, определение критериев переводимости того или иного образа следует в каждом отдельном случае из практики. Подчеркивая значение подобных работ для теории и практики перевода, чешский ученый И. Левый утверждал: «Сопоставительно-историческая поэтика, являясь базой для анализа переводов, вместе с тем сама черпает часть своих наблюдений из конкретных разборов и критики переводов» (6, с. 123). Подобные утверждения находим и в работах советских ученых А. Федорова, Г. Гачечиладзе [2; 9] и др.

Сопоставительная поэтика еще не заявила о себе в полной мере, хотя интерес к разработке отдельных проблем заметно усилился [1; 5; 7; 8]. Эти и другие работы советских ученых составляют важную предпосылку для современного целеустремленного освещения различных проблем сопоставительной поэтики. Естественно, необходимо достаточное накопление материала в пределах двух-трех языков. Существенной предпосылкой для построения сопоставительных поэтик является и достаточная их теоретическая разработанность в тесной связи с соответствующими разделами переводоведения и сопоставительной стилистики.

Если попытаться очертить хотя бы приблизительный круг проблем, необходимых для построения теории сопоставительной